

Юрий Рогоза

Ханна, ведьма

«Жизнь — она совсем не такая, какой люди ее видят...»

полковник в отставке Дэн Митчелл, известный многим в Манхэттене, как бомж по кличке Американский Герой.

Винс Шерман всегда был идиотом. Но в этот вечер превзошел сам себя.

— Ус-с-с-саться можно!.. — в который раз восторженно выдал он, давясь смехом и проливая виски на дорогущий костюм от Дюпона — Нет, реальная ведьма, клянусь!.. Худющая, как скелет, глазенки черные, одета в лохмотья... Нет, а главное — черт меня дернул свернуть! Ехал бы себе по 95-му! Дорогу хотел сократить, мудака... Правда, тогда бы всего этого не увидел! А так — говорю вам — уссаться можно!..

Вечеринка только началась, поэтому неудивительно, что толпа вокруг Винса, который уже пришел то ли пьяный, то ли обкуренный, а скорее всего — и то, и другое, собралась довольно большая. Самодовольные рожи, надменные улыбки, идеальные костюмы... Кого — то из стоящих рядом я знал, кого — то — нет. Как обычно.

Дело происходило в антикварном салоне Ричарда Миллса (он терпеть не мог, когда его называли Диком или Ричи), худощавого блондинистого гея с грустными глазами, переехавшего в Нью — Йорк из Лондона года четыре назад, открывшего салон и сразу решившего организовать «мужской клуб», как он сам выражался. Собирая раз в месяц модных ребят из шоу — бизнеса, художников, владельцев галерей и просто богатых бездельников, вечно не знающих, как убить время, подданный Ее Величества, ясное дело, мечтал создать у себя уютный педерастический рай, но вместо этого вынужден был терпеть толпы орущих пьяных мужиков, которые ближе к концу гулянки, напившись шарового виски и от души насмеявшись, начинали названивать женам, подружкам и блядям, чтобы продолжить праздник жизни.

Нет, геев среди гостей Миллса тоже хватало — в этом городе и в нашем бизнесе с ними, слава Богу, сложилось — но именно здесь, в «мужском клубе», тихие и аккуратные, они жались в робкие стайки по углам, вздрагивая от взрывов пьяного хохота и изредка начинающихся под конец вечеринки драк. И именно здесь, как это ни дико, становилось понятно, почему их называют «сексуальным меньшинством». Не случайно умный Ли был здесь был здесь всего — навсего один раз

— первый. И почти сразу ушел. Успев, правда, разбить в кровь морду известному критику, который ласково ущипнул его за задницу.

«А ты — то сам, Стиви, что делаешь здесь?» — спросил бы я себя в другой раз. Но именно сегодня я точно знал, что делаю на вечеринке у Ричарда Миллса. Все сходилось. Все происходило именно так, как и должно было быть. Жизнь делала предсказанный поворот. Мир колдовал. Чувство было незнакомым и радостно — тревожным.

Взятый с подноса стакан с толстой золотистой полосой виски на дне я лишь погрел в ладони и поставил обратно, как только услышал первые слова пьяно хихикающего Винса Шермана. Потому что было ясно — сколько бы людей его ни слушало, его рассказ предназначенся одному человеку в мире. Мне.

Надо было выслушать его еще раз, пока Винса не развезло окончательно, или пока он не перешел к преимуществам секса с гермофродитами — проститутками, своей любимой теме.

Слава Богу, пока еще этого не произошло, и Винс, упиваясь ироничным вниманием гостей, до сих пор рассказывал о своем приключении. По кругу. Раз в пятый или шестой. Суть я уже знал, как и все стоящие вокруг со стаканами в руках. Она сводилась к тому, что возвращаясь неизвестно откуда в Манхэттен, он решил сократить дорогу,

съехал с девяносто пятого фривея, и, проезжая через какой — то захолустный городишко (- Не забыть название!.. Не забыть название!.. — как мантру, твердил я про себя) со всей дури влетел передком «Мерседеса» в грудку металла — ковша от старого трактора или вроде того.

— Прямо посреди дороги лежала, мать ее еб!.. — восторженно блестя глазами, убеждал слушавших Шерман — Отвратительная, ржавая грудка железа!.. Нет, серьезно! Прямо. Посреди. Дороги. А я ехал миль под шестьдесят! Уссаться можно...

Висл — Роуд таун, если верить Винсу, оказался редкой дырой. Зато какой — то ночной алкаш за несколько баксов познакомил его, впавшего в отчаяние и вынужденного ждать утра, с единственной достопримечательностью городка (я уже знал, что ни за что не забуду его название) — местной полоумной, умеющей творить чудеса.

— Домишко — нет, ну хижина дяди Тома отдыхала, блядь!.. — Винс сделал большой глоток виски и глаза его засверкали совсем нехорошо, он — таки явно принимал сегодня какую — то гадость, кроме спиртного — Вхожу. Она, вроде как и не заспанная совсем, хоть на дворе четыре часа! Но страшная!!.. Мало места, я отвечаю!.. И сколько лет — не скажешь. Может — двадцать, может — сорок, хер ее знает... Имечко тоже дивное — Ха-нн-а!! Я

чуть не охуел, как услышал... В общем, развлекался я часа два. «- Что ты можешь, волшебница, блядь?» — спрашиваю. Молчит. Тут меня осенило! Говорю — десять долларов можешь превратить в сто? Вот держи!.. Протягиваю ей бумажку, а она ее даже в руки не взяла, а я смотрю — сотка! Реальная сотка!.. Ну, что вы ржете, вашу мать?!.. Что ржете?!.. Я же говорю — уссаться можно... Дальше, говорю, слушай, вот у меня кошелек черный, да? Можешь его зеленым сделать? Достаяю — зеленый!..

Толпа вокруг, уже разогретая дармовым виски, хрипло и обидно рассмеялась.

— Да я отвечаю! — обиженно взвился Шерман, уронив разлетевшийся на мелкие колючие брызги стакан и неловко вытаскивая из заднего кармана большой потертый бумажник противного зеленого света — Смотрите, блядь!..

Но гости только заржали еще громче, на миг заглушив живую музыку — в глубине студии приглашенное эстетом Ричардом струнное трио исполняло что — то очень ненавязчивое и красивое.

— Ладно, хер с вами, не хотите — не верьте! — обиженный Винс схватил с подноса еще один стакан с виски — Придурки!.. А хоть как все закончилось, знаете?!.. Так послушайте!.. Ладно, говорю, хватит, спасибо. А можешь сделать так, чтобы вот прямо сейчас приехал эвакуатор, а то у

вас тут, в жопе мира, даже сотовая связь глючит. А она так помолчала секунду и говорит — вам не нужен эвакуатор. Я сделала так, что ваша машина абсолютно целая...

Выглядываю во двор — чуть не рухнул! Стоит моя красавица — целехонькая, нетронутая... А главное — этот ковш гребаный — ну, об который я долбанулся — прямо перед ней, в нескольких футах, тоже никуда не делся!.. Тут-то я в ее чудеса и поверил... По полной программе... Даже испугался малость...

— Пора тебе наркотик сменить, Винс, дружище. Нет, кроме шуток. Если так глючит — это уже для здоровья бесполезно — отозвался кто-то, невидимый мне.

— Не веришь? — спросил Шерман, но тут же успокоился, глотнув виски — Хотя, ничего удивительного, я бы и сам не поверил...

— А что ж она в таком говне живет, эта твоя Ханна? А? Если она все может? — спросил похожий на свинью румяный толстяк, стоящий рядом со мной — Что — то не сходится!..

— Не поверишь, я и сам спросил! А она глаза опустила и тихо так говорит — я ничего не могу просить для себя лично... Нельзя... Можно только для других... Иначе дар уйдет... Я ей и дал под конец всего — навсего пятерку. Думал, она вой, поднимет — типа, мало и все такое!.. — а она лишь

глазищи опустила, и — Спасибо... Разбудил среди ночи, заставил фокусы показывать, получил новую машину — и все за пять баксов!!.. А эта малахольная — спасибо...

Толпа слушающих начала рассасываться. Кто — то тихо посмеивался, большинство вообще говорило о другом, уже забыв о бреднях Винса Шермана. И, конечно же, ему никто не поверил. Ни один человек.

Кроме меня. Я поверил каждому его слову. Я шел сюда в ожидании чуда, которое было мне предсказано. И все сошлось — я услышал о нем, как только вошел в уютный полумрак салона, не успев пригубить виски. А теперь не отдам никому — слишком уж давно в моей жизни не происходило чудес. Особенно добрых.

Оставалось уйти, не привлекая особенного внимания. Я прошел чуть ближе к выходу, остановился около окна. Осенний Вилледж там, по ту сторону стекла, был потрясающе, нереально красивым. Как открытка, поздравляющая с таинственным праздником, о котором знают немногие.

И сразу почувствовал прикосновение легкой, словно женкой, руки.

Я оглянулся. Основатель «мужского клуба» Ричард Миллс был все тем же — шелковая рубашка странного цвета, узкие плечи, копна шелковистых

рыжеватых волос, тонкие пальцы с идеальным маникюром, глаза спаниэля...

Он улыбался мне чуть робко, но искренне и по — доброму.

«А ведь Ричард — намного приятней всех своих гостей, бесцеремонно — наглых, мордастых, пьющих его виски и бьющих его стаканы, матерящихся и орущих» — вдруг подумал я — «Зачем ему все это нужно? В Манхэттене десятки гей — клубов, где ему — деликатному, милому — были бы ой как рады!..»

— Привет, Ричард — я пожал его тонкие длинные пальцы — Все великолепно. Как всегда. А музыка так просто волшебная...

— Что толку, если ты сразу уходишь? — грустно вздохнул он — И не пил ничего... Ли, конечно, вообще не пришел?

— Он работает.

«Или трахает сразу двух волшебной красоты девочек — черную и белую» — хотел добавить я, но постеснялся. Грустный англичанин мог подумать, что я грублю, а мне бы этого не хотелось. Грубиянов в его салоне хватало и без меня.

— Да, Ли у нас теперь — прямо живой классик! — широко улыбнулся Миллс — Американский Микеланжело! Когда — нибудь нам не поверят, что мы с ним за руку здоровались, верно?... Кстати — он чуть замялся — многие до

сих пор думают, что вы — любовники...

— Ну и что!?! — я искренне развеселился — И не думай разубеждать!.. Это даже прикольно! И потом, слово «любовник» ведь происходит от слова «любовь», а я люблю Ли, как родного. Так что все правильно...

— Как ты хорошо сказал — «от слова «любовь»... — уголки глаз у Ричарда опустились еще больше, сделав его окончательно похожим на грустного щенка.

Мне не терпелось уйти — предчувствие доброго колдовства носилось по сердцу горячим комком — но Миллс все стоял рядом, словно был здесь не хозяином, а таким же гостем, как и я. К тому же, у меня возникло странное ощущение, что он хочет сказать мне что-то, но никак не решается. Так и оказалось.

— Стивен, дорогой... — опустив щенячьи глаза, выдохнул Ричард — Ты же не обидишься, если я скажу, что кое — что знаю о твоих... твоих проблемах?

— Проблемах? — переспросил я.

— Я о работе — англичанину явно было неловко — Видишь ли, у меня есть хороший друг в телевизионных кругах... Он уже немолод и очень богат...

«Понятно» — сформулировал я про себя — «Типичный старый пидор».

— И вот я... Одним словом, я поговорил с ним о тебе. Без твоего разрешения, извини... — Ричард забубнил быстрее, словно опасаясь, что я его не дослушаю или ударю — Так вот, ему очень нравится все, что ты делал!.. Он так и сказал, а мне он не врал бы!.. Он готов встретиться с тобой для серьезного разговора. Он...очень влиятельный человек на ТВ, правда... Это — серьезно. И еще...Он сказал, что уладить вопрос с Полом — не проблема...»

Вопрос с Полом...

Пол Фуксман по кличке «Пол — диванчик» — сука, сволочь! — был моим боссом, моим проклятием, моим рабовладельцем. Он заслонял мне солнце, он лил яд в мой утренний кофе, он омрачал мои оргазмы!..

И вдруг — «...вопрос с Полом — не проблема...». Вот так просто.

«Пидарасы правят миром» — любит повторять мой друг Ли. Похоже, он прав.

— Так как? Встретишься с ним? — Миллс смотрел на меня так, словно просил о чем-то, а не пытался оказать сумасшедшую услугу.

Все — таки, сказать, что жизнь — странная штука, значит — не сказать ничего. Два часа назад то, что предложил мне белобрысый английский гей Ричард Миллс, было бы для меня самым большим счастьем за последние четыре года. Было бы